

Т. Г. Мякин

NOMOS и митиленская демократия в IV–II вв. до н. э.
(К вопросу о региональной применимости концепции М. Оствальда)

Исследования антиковедов, посвященные истории городов Лесбоса в эллинистическую эпоху, обычно имеют своей целью реконструкцию тех или иных явлений политической или социально-экономической истории через соотнесение данных археологии с сообщениями литературной традиции. И здесь мы имеем ряд основательных научных работ, начиная с К. Цихориуса и Р. Кольдевея и кончая недавно вышедшей монографией Ги Лабарье¹. Гораздо в меньшей степени исследователи пытаются реконструировать те или иные черты политической идеологии лесбосцев, ограничиваясь как правило более узкой сферой религии². Однако мы считаем, что тот весьма значительный эпиграфический материал по истории и политическому устройству Митилены, Эреса и Мефимны в эллинистическую и римскую эпоху позволяет с достаточной определенностью представить перед нашим мысленным взором также и основные особенности политической идеологии лесбосских полисов.

Понятно, что ключевым здесь является понятие «закона» (**νομος**), установление содержания которого применительно к государственному устройству лесбосских городов даст возможность выявить его идеологию. В качестве объекта для этого небольшого исследования мы выбрали Митилену.

Как известно, М. Оствальд, в своей знаменитой работе, посвященной эволюции смыслового содержания понятия «закон» (**νομος**) в политическом мышлении афинян в VI–V вв. до н. э., вынужден был констатировать тот факт, что «греческое правосознание» так и не сумело с достаточной четкостью разграничить понятия «закон» (**νομος**) и «постановление» (**υψησιμα**)³. При этом в афинском **νομος** Оствальд видит общее наименование для всякого законодательного акта, принятого Советом и Народом, наименование тем не менее идеологически насыщенное, генетически связанное с демократическими преобразованиями Клисфена и политическим лозунгом «равнозакония» (**ισονομια**)⁴. «Постановление» (**υψησιμα**), в свою очередь, по мысли Оствальда, это просто «процедурный термин, вытекающий из того факта, что данный законодательный акт одобрен в ходе голосования (**υψησιζειν**)»⁵. Выводы Оствальда, хотя и основаны на богатом литературном и эпиграфическом материале, но относятся прежде всего к Афинам VI–V вв. до н. э., и в этом качестве поддерживаются многими современными исследователями⁶. Однако вместе с тем, в ряде мест его работы прослеживается стремление распространить эти выводы и на другие греческие полисы (см. выше цитату)⁷.

Итак, постараемся ответить на следующий вопрос: до какой степени афинское понимание закона (**νομος**), сложившееся в VI в. до н. э. и сохранявшееся в IV–III вв. до н. э. соответствует воззрениям на закон митиленцев IV–II вв. до н. э. Это, помимо всего

¹ Cichorius C. Rom und Mytilene. Leipzig, 1888 ; Koldewey R. Die antiken Baureste der Insel Lesbos. Berlin, 1892; Labarre G. Les cites de Lesbos aux epoques hellenistique et imperiale. Lyon, 1996 .

² Начиная с самой первой работы по античной истории Лесбоса: Plehn S. L. Lesbiacorum liber. Berolini, MDCCCXXVI. Показательно в связи с этим, что результаты изысканий в области лесбосской религии никак не влияют на общую оценку особенностей политического строя античной Митилены и других городов Лесбоса. Ср. очерк Р. Хербста: Herbst. R. Mytilene // RE Pauly–Wissowa. 23 Hlbbd. Stuttgart, 1935. S. 1420–1422.

³ M. Ostwald. Nomos and the beginnings of the Athenian democracy. Oxford, 1969. P. 2.

⁴ Op. cit., p. 2, 158, 173 etc.

⁵ Op. cit., p. 2.

⁶ См., например: Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э. СПб., 2002. С. 385–386.

⁷ Ср. также проводимый им анализ постановлений Галикарнасса и Эрифр: M. Ostwald. Op. cit, p. 44–46.

прочего, позволит в какой-то мере разрешить проблему влияния афинской политической системы и афинских учреждений на Митилену, полис многие десятилетия теснейшим образом связанный с Афинами.

В целях дать ответ на этот вопрос, мы проанализировали все основные законодательные акты Митилены и их фрагменты IV–II вв. до н. э., учитывая работу издателей надписей В. Патона и Ф. Гиллера Фон Гэртрингена (IG, XII (2), №1–22, 72–73, 484; Suppl. IG, XII (2), сводки1–6, 17)⁸. Сопоставления ради мы привлекли также ряд афинских и эрифрейских документов (IG I(3), №37 bc, 247; IG II(2), №204, 415, 1126, 1127, 1127 fr. Db, 1191, 1326, 1135, fr. B, 1369, 10435, 13169 71; SEG № 2(9), 21 (525); Erythrai, № 33a, 37)⁹.

В результате проведенного нами текстуального анализа митиленских законодательных актов, датированных IV–II вв. до н. э., выяснилось следующее. Понятие собственно «закона» (**νομος**) в Митилене эллинистической эпохи относилось главным образом к положениям сакрального права и сакрально-правовой процедуре, подразумевая некий освященный временем обычай, который в системе других таких обычаев представлял собой важный элемент, так сказать, сакрально-правовой конституции полиса.

Так, например, когда принималось постановление Совета и Народа о строительстве какого-либо храма, в нем всякий раз оговаривалось, в каком случае подрядчик, бравший на себя сооружение этого храма, должен был следовать «закону», а в каком случае надо было отступить от него. Действительно, согласно постановлению Совета и Народа о перестройке храма Афродиты в местечке Месса – главном лесбосском культовом центре (III в. до н. э.)¹⁰, подрядчику в одном случае предписывалось вычищать землю под фундамент, «воспроизводя законы, как (там) записано о фундаментах» (**τοὺς νόμους εἰργάζομενος κατὰ τὸν περὶ τῶν θεμελίων γεγραπταί**: Suppl. IG XII (2), № 1(11), 10). В другом случае это же постановление предписывало подрядчику чередовать «соответствующее законному и уступающее законному» (**τοὺς ὑποκατὰ νόμον παρανόμους**: № 1(11), 13).

Еще одно дошедшее до нас постановление о постройке на этот раз неизвестного нам храма, датированное серединой IV в. до н. э.¹¹, аналогичным образом требует возводить «колонну (согласно) установленному закону» (**οἰκοστάθην statou~νομου**: Suppl. IG, XII (2), №1 (10), 7–8). Ниже постановление еще один раз ссылается на «законы», указывая, что эпистиль следует делать «высотой, согласно законам, в два кирпича» (**ὕψους νόμου δύο τῆς πλῆρου**: № 1 (10), 16).

С нашей точки зрения, понятие «закона» (**νομος**), с которым мы сталкиваемся в этих документах, следует рассматривать не изолированно (как это делали издатели надписей, включая Ф. Гиллера Фон Гэртрингена), а в безусловной связи со ссылками на «закон» (**νομος**) в других митиленских законодательных актах. В самом деле, логично предполагать, что понятие «закона» (**νομος**) в общей системе этого законодательства обладало единым и четко установленным смысловым содержанием¹². И действительно, если мы обратимся к другим законодательным актам Митилены, в которых имеется отсылка к «закону», то увидим, что всюду под «законом» понимается именно освященный временем обычай, связанный с той или иной сакрально-правовой процедурой. Причем сам

⁸ Соответственно по: Inscriptiones Graecae. Ed. Gu. Paton. Berolini, 1899. Vol. XII. Fas. 2. ; Inscriptiones Graecae. Ed. Fr. Hiller De Gaertringen. Berolini, 1939. Vol. XII. Suppl. См. некоторые постановления в русском переводе: Т. Г. Мякин. Лесбосская демократия. Новосибирск, 2004.

⁹ Мы пользовались поисковой системой MUSAIOS (TLG 2001).

¹⁰ См. о дискуссии в связи с датировкой этого постановления: F. Hiller von Gaertringen. De Lesbi et Tenedi rebus // Berolini, 1939. IG, XII. Supplementum. S. 65. См. о храме: Koldewey R. Die antiken Baureste der Insel Lesbos. Berlin, 1892. S. 47 etc., taf. 20.

¹¹ Или III в. до н. э., по Гиллеру фон Гэртрингену, см: Inscriptiones Graecae, XII (2). Supplementum. Fr. Hiller De Gaertringen (ed.). Berolini, 1939. P. 5

¹² Наподобие того, как это, согласно М. Освальду, имело место в Афинах. См.: M. Ostwald. Op. cit. P. 2.

этот освященный временем обычай является по сути частью традиции, а не установлением законодателя в собственном смысле этого слова¹³.

Так, в почетном постановлении митиленского Народа о гражданах Магнесии относительно священного посольства магнетов, объявивших об учреждении нового праздника в честь Артемиды (ок. 199 г. до н. э.), читаем следующее: «выдать феорам от магнетов как объявляющим (об играх)...подарки гостеприимства, все, что предписано в законе (выдать) объявляющим о Пифийских играх» (**didwsqai de< kai< toiv eḗpaggellontessi qewroisi pak Magnhtwn... kai<xenia, oḗa kai<toiv ta<Puqia eḗpaggellontessi eḗ nomw gegraptai** (IG XII (2). Suppl. № 138, 32–35))¹⁴. Далее предписывается «выдать также посланникам на дорогу законные двести (монет)» (**domenai de<kai<ofion toiv presbeutaiw ta<eḗ nomwi diakosia**: № 138, 40). Понятно, что в данном случае под «законом» (**nomov**) здесь надо понимать освященное традицией, изначально неписаное положение сакрального права, касающееся Пифийских игр и проксении.

В другом важном документе – почетном постановлении об эрифрейцах, которое датируется временем до 167 г. до н. э. митиленским стратегам предписывается «доложить о них (эрифрейцах) в сроки, положенные по закону... так, чтобы у них были проксения и гражданство» (**eijḗsaghḗsasqai de<peri<auḗwn eḗ toiv cronoiw toiv ek tw-nomw... ofwv upaxhi auḗoisi proxenia kai<pol iteia** (IG, XII (2). Suppl. № 137, 37–38)). Ввиду того, что в самом постановлении, хотя оно и дошло до нас полностью, эти «сроки» (**cronoi**), на к которые оно ссылается, как раз и не указаны, можно быть уверенным в том, что под «сроками, положенными по закону» здесь понимаются сроки, установленные обычаем, писаным или неписаным. Наше предположение подтверждается тем, что точно такую же словесную формулу мы встречаем в своеобразном эпиграфическом «досье», содержащем материалы процесса между Митиленой и Питаной о бывших митиленских владениях в Малой Азии (IG, XII (2). Suppl. № 142)¹⁵. Здесь в связи с прибытием судей из Пергама и приглашением их к жертвеннику в пританей стратегам также предписывается «доложить о них... в сроки положенные по законам» (**eijḗsaghḗsasqai kai<peri<auḗwn... eḗ toiv cronoiw toiv ek nomwn** (№ 142, 85–88)).

Другой сакрально-правовой процедурой, в связи с которой митиленские постановления, как правило, ссылаются на «закон» (**nomov**), была процедура увенчания золотым венком «за благоволение к городу» (**eujoiaw tav eij tav pobin**) или «за доблесть и благоволение к народу» (**aretaw efeka kai<eujoiaw tav eij tav damon**). Здесь мы, как и в предыдущем случае, имеем дело с устойчивой словесной формулой. «Золотым венком по закону» (**crusiwi stefanwi twi<kata<toq nomon**) за указанные заслуги в течение III–II вв. до н. э. на празднестве Дионисий были увенчаны: Атромет афинянин (IG, XII (2), № 2, 5–6); Клисфен, сын Клисфена, афинянин (IG, XII (2), № 18, 9–10); дружественный народ фессалийцев (IG, XII (2), № 3, 20–21); эрифрейские судьи, которые помимо увенчания золотым венком на основании того же «закона» были еще объявлены проксенами и гражданами (IG, XII (2). Suppl. № 137, 33–37). Впрочем, не всегда увенчание золотым венком проходило в соответствие с «законом», то есть традицией. В середине IV в. до н. э. Народ по предварительному решению Совета почтил некоего Александра, сына Биокла, золотым венком за денежную помощь, оказанную

¹³ Заметим, что по своей форме постановление о храме в Мессе напоминает «священный закон» Митилены, касающийся порядка жертвоприношений «на алтаре Афродиты, Пейто и Гермеса» (IG XII (2), № 73). В обоих случаях тексту предшествует сакральная по своему происхождению формула **ajaqh|tuch|** («с доброй удачей, «в добрый час»), которую мы не встречаем в текстах других законодательных актов, даже если они дошли до нас целиком (как, например, в почетном постановлении об Эрифрейцах II в. до н. э.: IG, XII, № 137).

¹⁴ В постановлении говорится об учреждении магнетами празднеств в честь чтимой ими богини Артемиды Белобровой (**Artemiv Leukofruana**) по образцу Пифийских игр.

¹⁵ Постановление также датируется II в. до н. э. (до 138 г. до н. э.).

гражданам, без всякой ссылки на закон (**crusiw stefanw ajetav ejneka kai <eujoia v tav eij tak poĭin**: IG, XII (2), 5(1), 1). Позднее, в III в. до н. э. митиленский Совет и Народ почтили, точно так же, безо всякой ссылки на закон золотым венком митиленских послов, благодаря которым были освобождены из этолийского плена их сограждане (**crusiw stefanw kat pĭomatov** : IG, XII (2), № 15, 29–30). По-видимому, денежная помощь гражданам и освобождение попавших в рабство не учитывались тем освященной традицией «законом», на основании которого проходило увенчание золотым венком.

Итак, исходя из сказанного выше, можно с уверенностью полагать, что понятие «закона» (**nomov**) у митиленцев IV–II вв. до н. э., относилось, прежде всего, к освященной традицией сакрально-правовым ритуалам (обычаям). Причем последние составляли своего рода сакрально-правовую «конституцию» Митилены, регулируя вопросы сакрального права (право жертвоприношений, отправка и встреча священных посольств, планировка храмов), порядок предоставления прав гражданства или проксении, порядок награждения золотым венком. Показательно, что сохранившиеся тексты законов относятся именно к сакральному праву (IG, XII (2), № 72, 73). Можно предположить, что именно в связи с требованиями сакрального права «законом» (**nomov**) устанавливались для должностных лиц определенные сроки представления докладов Народному собранию (Народу) по ряду вопросов (IG, XII (2). Suppl. № 137, 33–37).

Неслучайно, что при составлении договора об образовании Лесбосского союза посольства Митилены, Мефимны, Эреса и Антиссы договорились о том, чтобы подготовленные стратегами от этих городов «законы были внесены» на «первую сессию» Народных собраний городов для последующего утверждения (**iĭa de <kai <nomoi eiĭenecqwsı... nomoi v eij tak prwtan ejl hsi an**: IG, XII (2). Suppl. № 136, 29–31)¹⁶. Речь шла, по-видимому, опять таки о сакрально-правовой процедуре, связанной с порядком деятельности Союзного совета, а не об «издании законов» вообще, как думал Гиллер Фон Гэрtringен¹⁷.

Подводя итоги, мы можем с уверенностью утверждать, что вопреки утверждениям М. Оствальда по крайней мере в митиленском правосознании этого времени понятия «закон» (**nomov**) и «постановление» (**yaĭisma**) были между собой четко разграничены. Если «законы» (**nomoi**) составляли собой сакрально-правовую «конституцию» гражданской общины, то «постановлением» (**yaĭisma**), или «(решением), имеющим высшую силу» (**kuĭion**) назывались решения митиленских Совета и Народного собрания по тем или иным текущим вопросам внешней и внутренней политики (см.: IG, XII (2), № 1, 4; Ср.: IG, XII (2) № 5, 6, 15 и др). В соответствии с этим, скорее всего именно сакрально-правовую «конституцию» Митилены, к записи которой он был причастен, и имел в виду Питтак, когда на вопрос лидийского царя, «чья власть всего больше» (**megısth**), ответил: «власть дерева с вырезанными знаками» (**hĭtou poi ki tou xu tou**: Diog. Laert., I, 77, 6)¹⁸. Как поясняет Диоген Лаэртский, Питтак имел в виду «закон» (**nomov**).

По-видимому, такое же четкое различие «закона» (**nomov**), с одной стороны, и «постановления» (**yaĭisma**) с другой место и в некоторых других эолийских городах. Так, по крайней мере, в Эрифрах с совершенной отчетливостью осознавали это различие между «законом» (**nomov**) и «постановлением» (**yaĭisma**)¹⁹.

¹⁶ Договор о создании Лесбосского союза датируется 200–167 гг. до н. э.

¹⁷ *Inscriptiones Graecae XII (2). Supplementum*. Fr. Hiller De Gartringen (ed.). Berolini, 1939. P. 42.

¹⁸ Если конечно, в этой легенде есть хоть доля истины. И, тем не менее, характерно, что митиленская традиция (в том числе и эпиграфическая) знает только двух «законодателей» (**nomoqhĭtai**) – Питтака и Потамона, при участии которого были учреждены новые религиозные празднества в честь Августа (IG, XII (2), № 58).

¹⁹ Ср. постановление, неправильно интерпретируемое М. Оствальдом: «А судить пусть будут по девять мужей от каждой из фил... поклявшись тою же самою клятвой, что и Совет (а именно, что будут выносить решения) по тяжбам, следуя законам и постановлениям» (**dikazen de apo <twm ful ewn ajdrav ejne a...**

И напротив, если мы привлечем афинский эпиграфический материал, то, в полном соответствии с выводами Оствальда, увидим здесь совсем иную картину. «Законом» (**νόμος**) в Афинах V–III вв до н. э., надо думать, именовался всякий юридический акт, исходящий от полномочного выборного органа государственной власти. Именно этим объясняется то различное смысловое содержание, которым наполняется понятие «закона» (**νόμος**) в зависимости от характера и сферы применения названного юридического акта. Так, в одном случае под законом понимается освященный временем обычай (IG I (3), № 1191, 1326; IG II (2), № 1135 fr. B; № 1369)²⁰. В другом случае, «законом» (**νόμος**) называется постановление, принятое Советом и Народом (IG I (3), № 37 bc; № 247; 204; 415; 1126; 1127 fr d; SEG, № 2 (9), № 21 (525))²¹. И, наконец, в третьем случае понятие «закона» (**νόμος**) может подразумевать и то и другое (IG II (2), 1628)²².

Итак, можно утверждать, что в отличие от Афин в Митилене сфера публичного права обнаруживала четкое разделение на профанную (политика, экономика) и сакральную составляющие (право жертвоприношений, сакрально-правовая процедура). Причем последняя была изъята из компетенции Народного собрания, образуя собой как бы сакрально-правовую «конституцию» полиса, неизменную в своих основах, которую Совет и Народ не вправе были изменить простым постановлением, но в некоторых случаях могли проигнорировать²³.

Если обратиться к знаменитой аристотелевской классификации демократических режимов по степени участия граждан в законодательстве (Arist., Pol. 1291b–1292a), то легко увидеть, что митиленская демократия может быть отнесена ко 2-у, 3-у, или 4-у типам в аристотелевской классификации. То есть, к какому-либо из тех типов, где «властвует закон» (**αἴσειν δεῖ τὸν νόμον**), но доступ к выборным должностям может быть неограничен или, наоборот несколько ограничен, в том числе, и небольшим имущественным цензом²⁴. И, напротив, афинская демократия в своем классическом виде – как «демократия для всех афинян»²⁵ – должна быть отнесена к 5-у типу демократии в аристотелевской классификации, а именно к тому типу, где «главствуют постановления, а не закон» (**οἴαν τὰ ὑψίσματα κυρία ἦεν ἡ ἀρχὴ τῶν νόμων**: Arist., Pol. 1292 a 7).

В соответствии с этим, как нам кажется, следует отказаться от некритического распространения выводов М. Оствальда, сделанных на афинском материале, на все демократические полисы Греции²⁶. Как это следует из классификации Аристотеля, да и из самого эпиграфического материала, афинский опыт вовсе не был каким-то руководящим примером и образцом для эллинских демократов.

νόμοςαντὸν τὸν αὐτὸν οἴκον τῆ βολῆ δίκαν κατὰ νόμον καὶ ὑψίσματα: Erythrai, № 33a. Приводится по TLG 2001. Ср. интерпретацию Оствальда: M. Ostwald. Op. cit. P. 45–46.

²⁰ Так, например, в связи с обычаями (уставом) дельфийской амфиктионии читаем: «Если же кто преступит эти законы» (**αἰδέσθιν νόμους τούτους παραβαίνοι**: IG II (2), № 1369, 30).

²¹ Так, например, в постановлении, датируемом архонтством Никия (296 г. до н. э.) читаем о гиппархах и филархах, которые «отправляли свои должности в соответствии с законами» (**diatetelekasin thā archē kata τούτων νόμων**: SEG, № 21(525), 12).

²² Ср: «Как велит закон колофонян» (**οἴ κελευεὶ Κολοφονίων νόμων**: IG II (2), № 1628, 375).

²³ Ср. выше постановление о храме в Мессе и постановление об Александре, сыне Биокла.

²⁴ По Аристотелю, «когда (занятие) должностей зависит от цензового имущества» (**τὰ ἀἴσακ ἀποκ τῆς ματρῶν εἶναι**: Arist., Pol. 1292 a 1).

²⁵ Иными словами демократия при абсолютном полномочии народного собрания. Такое положение дел осознавалась как норма не только в середине V в., но и в IV, и в III вв. до н. э., см: Хабиخت Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 140.

²⁶ Эта тенденция прослеживается в недавней работе Х. Туманса: Х. Туманс. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э. СПб., 2002. С. 385–386.